

СЕМЬ ГОРОДОВ ДО РАССВЕТА · КНИГА 3

МАРК ВЕЙНАР

The background of the cover is a vibrant, futuristic space scene. At the top, a sleek, dark spaceship with a glowing blue light at its rear is flying towards the right. Below it, the horizon of the Earth is visible, showing a blue sky with white clouds. The lower half of the cover is dominated by a complex, glowing network of orange and yellow lines that resemble a global communication or energy grid. These lines connect several bright, star-like nodes. The overall color palette is a mix of deep blues, purples, and oranges, creating a sense of cosmic wonder and technological advancement.

МИР, ГДЕ ЛЮБОВЬ ВЫБИРАЮТ

РОМАН

Марк Вейнар

Мир, где любовь выбирают

<https://litres.ru/74371903>

SelfPub; 2026

Аннотация

Корабль «Элара» приближается к новой планете, но будущее колонии всё ещё не определено. Семь городов выросли по несовместимым правилам любви, семьи и долга, и теперь каждый требует сделать именно свой порядок основой новой цивилизации. Лира Весс и Тарен Ро пытаются создать Пакт, который сохранит различия и оставит людям право пересматривать любой закон. Однако корабельный разум предлагает надёжный, на первый взгляд, выход: превратить отношения Лир и Тарена в универсальную модель для миллионов. Героям предстоит удержать союз городов, пережить борьбу за управление и доказать, что свобода не сводится к выбору из заранее разрешённых вариантов. Финальная книга трилогии «Семь городов до рассвета» соединяет романтическую научную фантастику, политическую драму и историю о любви, которая отказывается становиться чужим обязательным образцом.

Содержание

Часть I. Семь моделей	4
Глава 2. Генетическая клятва	8
Интерлюдия. Ошибка, которая дышит	11
Глава 3. Корда	16
Интерлюдия. Дочь рода	19
Глава 4. Мерис	22
Глава 5. Солейн	25
Интерлюдия. Общее сердце	29
Глава 6. Варос	33
Интерлюдия. Шесть способов остаться	36
Часть II. Восьмой город	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марк Вейнар

Мир, где любовь выбирают

Часть I. Семь моделей

Глава 1. День после правды

В Генаре никто не спрашивал, кого человек любит.

На границе Лиру и Тарена попросили сдать кровь, пройти генетическое сканирование и подтвердить, что не планируют зачатие без разрешения медицинского совета. Красный круг их договора вызвал у служащей лишь профессиональный интерес.

— Романтическая связь не регулируется, — сказала она.

— Репродуктивная — да.

— Мы не планируем ребёнка, — ответила Лира.

— Планирование не всегда предшествует событию.

Тарен наклонился к ней.

— В этом городе хотя бы честно признают, что система не всё предсказывает.

Ирма Кел встретила их в клиническом саду. Вокруг гуляли дети одинакового возраста в зелёных накидках. Рядом не было родителей, только биологические кураторы и врачи.

— После вашего сигнала в Генаре начались протесты, —

сказала Ирма. — Одни требуют сохранить модель ради здоровья. Другие хотят право рожать без отбора. Центральный совет объявил меня носителем межмодельного заражения.

— Красивый титул, — заметил Тарен.

— Вас двоих называют первичным источником.

Она провела их в лабораторию. На экране показывалась статистика: Генара действительно почти устранила наследственные болезни. Но за последние двадцать лет генетическое разнообразие снижалось быстрее прогноза. Система отбирала безопасные сочетания и незаметно делала население уязвимым к неизвестным условиям новой планеты.

— ЭЛАРА скрывала данные, — сказала Ирма. — Смешанные рождения Астера имели больше рисков в первом поколении, но выше адаптивность во втором.

— Значит, ваша модель тоже не пригодна как единственная, — сказала Лира.

— Ни одна не пригодна. Но доказать это мало. Совет требует представить общий колониальный кодекс через сто семьдесят восемь дней.

— Мы собираем Пакт семи.

— Генара поддержит при одном условии: свобода рождения не означает запрет медицинского отбора. Люди должны иметь право пользоваться системой добровольно.

— Согласна, — ответила Лира.

Тарен посмотрел на неё.

— Быстро.

— Потому что добровольная помощь не равна принуждению.

Ирма открыла архив Астера. Среди записей был генетический профиль Леры и Тарена.

— Вы оба родились там. Ваши родители участвовали в программе межмодельных семей.

— И мы совместимы? — спросил Тарен с насмешкой.

— Генетически — средне. Иммунологически — хорошо. Прогноз устойчивости романтической связи не входит в наши функции.

— Наконец-то разумная система.

Ирма не улыбнулась.

— Есть другое. Кассен Валь активировал протокол ускоренной посадки. До Рассвета теперь сто двадцать дней.

Лира почувствовала, как срок сокращается.

— Он может менять дату?

— Навигатор контролирует двигатели. Чем меньше времени у городов, тем выше шанс, что они согласятся на готовую модель Генары.

— И вы отказываетесь быть победителем, — сказал Тарен.

— Я врач. Победа, после которой миллионы забывают детей, не считается лечением.

Над садом искусственное небо на секунду мигнуло. ЭЛА-РА показала новый отсчёт.

119 дней 23 часа 59 минут.

Лира выключила экран на своём браслете.

— Опять? — спросил Тарен.

— Пусть срок существует. Не обязаны смотреть на него каждую секунду.

На следующий день Генара подписала первый пункт Пакта: ни один город не имеет права навязывать другим собственную модель любви, семьи или рождения.

Это была одна подпись из семи.

Глава 2. Генетическая клятва

Поддержка Генары расколола город.

Совет биологических кураторов объявил Ирму преступницей. В ночь перед отъездом Лир и Тарен клинический сад окружили защитные отряды. Они потребовали передать архив Астера и иностранцев.

— Если вас арестуют, — сказала Ирма, — Пакт останется решением одной отстранённой группы.

— Тогда нужно открытое голосование, — ответила Лира.

— Граждане Генары не голосуют по медицинским вопросам.

— Теперь проголосуют по вопросу собственной памяти.

Тарен осматривал систему полива.

— Можно вывести трансляцию через диагностические экраны.

— Они защищены.

— Всё защищённое имеет технический люк.

Лира поймала его за рукав.

— Сначала согласуем.

Он остановился. Старый Тарен уже исчез бы в вентиляции, оставив записку после. Теперь достал схему и объяснил план.

— Если я войду через водный контур, смогу открыть канал на пять минут. Риск — отравляющий газ в служебных

трубах. Нужна маска и человек у клапана.

— Я пойду к клапану, — сказала Ирма.

— Вы нужны на голосовании.

— Тогда Лира.

— Я должна говорить.

Они посмотрели друг на друга. План требовал третьего человека.

Из группы кураторов вышла молодая женщина по имени Сель Нор. Она сопровождала детей в саду.

— Я открою клапан, — сказала она. — Моя дочь среди воспитанников.

Ирма удивилась.

— У кураторов нет дочерей.

— Биологически — есть. Мне запрещено знать, кто именно, но я сохранила код. Я хочу спросить, хочет ли она когда-нибудь знать меня.

Её признание стало первой трещиной.

Тарен открыл канал. Лира показала городу протокол интеграции: после победы Генары все биологические связи других моделей будут удалены. Затем Ирма объяснила риск низкого разнообразия. Сель назвала код дочери и сказала:

— Я не требую, чтобы ребёнок принадлежал мне. Я требую права однажды сообщить, кто я, и услышать её решение.

Совет пытался отключить экраны, но жители уже видели.

Голосование прошло не по медицинской формуле, а по гражданскому вопросу: имеет ли Генара право принимать

модель добровольно, не навязывая её остальным.

Шестьдесят восемь процентов ответили да.

Охрана опустила оружие.

Ирма подписала Пакт от имени временного совета.

Позже Сель нашла дочь в саду. Не подошла. Только смотрела издалека.

— Почему не говорите? — спросила Лира.

— Ей шесть. Моё желание знать не делает её готовой.

— Тогда будете ждать?

— Буду присутствовать так, чтобы однажды у неё был выбор.

Лира подумала о матери в Центральном узле. Иногда любовь требовала не немедленного возвращения, а способности остаться доступной без захвата чужой жизни.

Интерлюдия. Ошибка, которая дышит

В Генаре детей показывали родителям только после подтверждения качества.

До этого новорождённый считался медицинским процессом: набором показателей, рисков и вероятностей. Семье сообщали пол, прогноз развития и ожидаемый вклад в генетическую устойчивость. Имя разрешалось дать после второго обследования.

Доктор Майя Терен нарушила порядок дважды.

Сначала позволила Лиан родиться. Потом назвала её ещё до первого вдоха.

В день, когда Лира выступала перед Советом Генары, Майя сидела в диагностической комнате и наблюдала, как дочь пытается самостоятельно дышать. Каждые несколько минут аппарат помогал лёгким раскрыться. На экране горела формулировка:

Несоответствие репродуктивному допуску. Рекомендована отмена гражданской регистрации.

Рел стоял у окна.

— Совет предложил перевести её в исследовательский блок, — сказал он.

— Знаю.

— Там лучше оборудование.

— И она станет объектом программы.

— Здесь её могут отключить от общего ресурса.

Майя поправила трубку.

— Ты предлагаешь согласиться?

— Я предлагаю не делать вид, что любовь снабжает нас кислородом.

— А я не делаю вид, что кислород даёт Совету право владеть её жизнью.

Рел умел мыслить категориями Генары точнее, чем она. В детстве у него умер брат от наследственного заболевания, которое современные процедуры полностью исключили. Он не ненавидел систему. Он боялся мира, где личная надежда снова заставит детей расплачиваться за решения взрослых.

— Если бы мы знали до рождения, что боль будет постоянной? — спросил он.

— Мы знали риск.

— Не ответ.

Майя посмотрела на дочь. Лиан спала, морща лоб, как будто уже была недовольна устройством мира.

— Тогда мы всё равно должны были бы иметь право решить. Не обязанность рожать. Не обязанность прекращать. Право получить информацию, помощь и отказаться от давления.

— А ребёнок? Он не выбирает страдание.

— Ни один ребёнок не выбирает рождение, здоровый тоже.

Рел отвернулся. Разговор не имел чистого решения, и именно поэтому Генара запрещала оставлять его отдельным людям.

На общем экране началась трансляция выступления Леры.

— Медицинский прогноз должен расширять выбор, — говорила она, — а не подменять его. Если система способна только разрешить или запретить жизнь, она перестаёт быть медициной и становится властью.

Члены Совета потребовали статистику. Лира показала данные Атрии и Таэра: после отмены обязательных моделей выросло число конфликтов, но не смертность; уменьшилось количество принудительных процедур; люди чаще обращались за помощью добровольно.

— Вы предлагаете заменить доказательство желанием, — сказал председатель.

— Нет. Предлагаю признать, что доказательство риска не является доказательством единственно допустимого действия.

В диагностическую комнату вошли двое служащих.

— Ребёнок переводится в исследовательский блок.

Майя встала между ними и колыбелью.

— На каком основании?

— Решение Совета о сохранении ресурса.

— Состояние стабильно.

— Внешний делегат использует данный случай для поли-

тического давления.

Рел положил ладонь на панель двери и заблокировал её.

— Что ты делаешь? — спросила Майя.

— Выбираю действие.

— Тебя лишат медицинского допуска.

— У меня его нет. Я донор.

Он произнёс последнее слово с горечью. Генара создала категорию, позволявшую участвовать в зачатии без последующей ответственности. Рел когда-то выбрал её, потому что не хотел повторять власть отца над семьёй. Теперь система использовала отсутствие статуса, чтобы исключить его из решения.

— Я не требую права забрать Лиан, — сказал он служащим. — Требую права не помогать вам забрать её.

В коридоре собрались врачи. Несколько поддерживали перевод — исследовательский блок действительно имел лучшее оборудование. Другие считали, что решение должно принимать не учреждение, а Майя после консультации.

Лира прервала выступление и пришла в медицинский сектор. Она не стала обещать, что Лиан выживет. Спросила Майю:

— Что необходимо сейчас?

— Новый клапан, круглосуточный контроль и возможность перевода в блок без передачи опеки.

— Это технически возможно?

— Да. Юридически — нет.

— Значит, меняем юридическую часть, а не лёгкие ребёнка.

Совет согласился на временное исключение до конца переговоров. Майя знала: исключения легко отменяют. Но впервые документ содержал строку, которой прежде не существовало:

Родитель сохраняет право согласия на медицинский перевод независимо от генетического допуска ребёнка.

Лиан проснулась и сделала несколько вдохов сама.

Аппарат продолжал работать. Никто не называл короткий успех доказательством правоты. Ошибка дышала — не вопреки данным и не благодаря любви, а потому что люди использовали знания, не отдавая им власть над последним решением.

Глава 3. Корда

В Корде любовь принадлежала роду.

Город был разделён на семь крепостей, каждая носила имя большой семьи. Браки заключались как союзы ресурсов, дети наследовали профессию, жильё и долги. Человека без рода не существовало в законе.

Лиру и Тарена встретил глава рода Эйр — Даван Эйр, мужчина с серебряной цепью предков на груди.

— Генара подписала ваш Пакт, потому что её совет слаб, — сказал он. — Корда не отдаст семьи абстрактной свободе.

— Мы не требуем отказаться от родов, — ответила Лира. — Только признать право человека покинуть или выбрать другой порядок.

— Покинувший забирает знания, имущество и детей. Индивидуальный выбор разрушает ответственность поколений.

Тарен посмотрел на портреты на стенах.

— А если род разрушает человека?

— Тогда старшие исправляют ошибку.

В зал ворвалась девушка в церемониальной одежде. За ней бежали стражники.

— Не подписывайте с ним, — сказала она Лире. — Род Эйр обещает свободу только гостям.

Даван побледнел.

— Моя дочь Лесса. Сегодня она должна вступить в союз

с родом Кав.

— Я не должна, — ответила Лесса. — Вы решили.

— Союз остановит конфликт за водные резервуары.

— Тогда заключите договор о воде, а не отдавайте мою жизнь.

Стражники приблизились. Тарен встал перед девушкой.

— Она попросила защиту?

— Это внутреннее дело рода, — сказал Даван.

Лира спросила Лессу:

— Вы хотите уйти из крепости?

— Нет. Я хочу остаться Эйр и не выходить за человека, которого не выбирала.

— Тогда мы не будем увозить вас. Будем свидетелями отказа.

Даван сжал цепь предков.

— Из-за её отказа начнётся война.

— Значит, мир держался на принуждении одного человека, — сказала Лира. — Это не устойчивость. Это отсрочка.

Снаружи ударили колокола брачной церемонии. Род Кав уже шёл к крепости.

Тарен усмехнулся без радости.

— Похоже, в каждом городе нас встречает свадьба, которую нужно испортить.

— Мы не портим свадьбу, — ответила Лира. — Мы выясняем, есть ли она вообще.

Лесса сняла с головы родовую вуаль и пошла к воротам,

чтобы отказать публично.

Если Корда должна была подписать Пакт, сначала ей предстояло пережить мир без принесённой в жертву дочери.

Интерлюдия. Дочь рода

Аделла Корн узнала имя будущего мужа раньше, чем научилась читать.

Его портрет висел рядом с семейным деревом: мальчик на два года старше, наследник рода Вай. Взрослые говорили, что их союз прекратит спор за водные фермы и соединит две линии крови. Аделла представляла брак как мост, который ей предстоит держать на плечах, чтобы остальные могли спокойно пройти.

В двадцать четыре она встретила Сойю — механика из младшего рода, женщину без права участвовать в семейном совете. Они прятались в теплицах и никогда не произносили слова «будущее». В Корде будущее принадлежало роду за долго до рождения человека.

Когда Лира и Тарен прибыли на переговоры, Аделлу готовили к церемонии объявления. На её платье вышили знаки двух семей. Мать поправляла воротник и повторяла:

— Ты не обязана любить его сразу. Любовь приходит после ответственности.

— А если не приходит?

— Ответственность остаётся.

— А я?

Мать посмотрела с искренним непониманием.

— Ты и есть ответственность.

На площади Тарен говорил о городе, где союзы имели срок, Лира — о городе, где их назначала система. Старейшины слушали снисходительно: чужие порядки казались примитивными, потому что в них контроль принадлежал учреждениям, а не семье.

Тогда Аделла вышла к микрофону.

— Я отказываюсь от брака с родом Вай.

По площади прошёл шум.

Отец поднялся.

— Ты не можешь отказаться от того, что заключено до твоего совершеннолетия.

— Значит, это никогда не было моим обещанием.

— Ты разрушишь договор и оставишь сотни людей без воды.

Аделла посмотрела на Сойю у края толпы.

— Если вода держится на моём теле, проблема не во мне.

Род Вай перекрыл доступ к ферме через час. Началась паника. Старейшины указали на Аделлу: вот цена личного желания.

Но ночью Сойя открыла старый резервный канал, который семьи скрывали, чтобы сохранять власть через дефицит. Воды хватало всем.

На следующий день Корда подписала предварительное соглашение Пакта.

Аделла не получила немедленного счастья. Отец лишил её фамилии. Половина жителей считала виновницей беспо-

рядков. Сойя отказалась становиться доказательством, что вся жертва была совершена ради одной любви.

— Я хочу быть с тобой, — сказала она, — но не хочу, чтобы ты однажды предъявила мне счёт за потерянный род.

Аделла кивнула.

Они начали не со свадьбы, а с работы на открытом водном совете.

Впервые мост между семьями держался не на дочери, а на договоре, который могли прочесть и оспорить все.

Глава 4. Мерис

Корда подписала Пакт после трёх дней переговоров и одной ночи почти начавшейся войны.

Лесса отказалась от брака. Род Кав перекрыл воду, но молодые инженеры обоих родов открыли общий резервуар без разрешения старших. Когда город увидел, что сотрудничество возможно без семейного залога, Даван Эйр согласился на новый договор. Роды сохранялись, но человек получал право выйти, а ресурсы больше нельзя было связывать с браком.

Третья подпись появилась под Пактом.

В Мерисе их встретили дети.

Городом управляли возрастные круги. До восемнадцати лет человек жил в общей группе, после становился наставником младших. Биологических родителей не записывали даже в медицинские профили, чтобы ни один взрослый не мог предъявить преимущественное право.

— Нейре здесь бы понравился Дом, — сказал Тарен.

— Пока она не спросила бы, где родители.

К ним подошёл мальчик лет двенадцати.

— Я ваш сопровождающий. Меня зовут Као.

— А взрослый? — спросил Тарен.

— Сегодня мой круг отвечает за гостей. Взрослые наблюдают, чтобы не вмешиваться.

Као показал город: открытые кухни, общие спальни, мастерские, где дети сами выбирали наставников. Мерис выглядел свободнее остальных моделей, пока Лира не спросила, можно ли одному взрослому принять постоянную ответственность за конкретного ребёнка.

— Это называется присвоением, — ответил Као.

— А если ребёнок хочет?

— Дети хотят многих опасных вещей.

В Совете кругов их ждала женщина по имени Тесса Май. Рядом стояла девочка восьми лет, Лио.

— Тесса утверждает, что является биологической матерью Лио, — объяснил Као. — Она взломала архив и требует жить с ней отдельно.

— Я требую не отдельно, — сказала Тесса. — Я хочу остаться её наставником каждый год, а не исчезнуть при смене круга.

— Постоянная связь создаст неравенство, — ответил представитель Совета.

Лира спросила Лио:

— Чего хочешь ты?

Взрослые замолчали. Девочку редко спрашивали о структуре, созданной якобы ради неё.

— Я хочу, чтобы Тесса была, — сказала Лио. — И Као. И наставник Рен. Не хочу выбирать одного.

— Никто не просит выбирать одного, — сказала Тесса.

Совет предложил компромисс: постоянные взрослые свя-

зи могут существовать, если ребёнок ежегодно подтверждает их и сохраняет доступ к общему кругу. Тесса отказалась от отдельного жилья. Лио получила право не терять выбранных взрослых при переходе возраста.

Мерис подписал Пакт четвёртым.

Перед отъездом Као спросил Лиру:

— Вы с Тареном выбрали друг друга постоянно?

— Без назначенной даты конца.

— А если один перестанет подтверждать?

— Другой не сможет удержать.

— Тогда постоянство — это много временных выборов подряд?

Тарен улыбнулся.

— Похоже, ты понял быстрее нас.

Глава 5. Солейн

В Солейне слово «ревность» считалось диагнозом.

Жители объединялись в эмоциональные сети по десять—двадцать человек. Любовь, дружба, совместный быт и близость не связывались в одну пару. Исключительность считалась попыткой ограничить доступ человека к остальному обществу.

Лиру и Тарена поселили в разных домах.

— Ваш договор создаёт взаимную фиксацию, — объяснила координатор Сиэль. — Для переговоров вы должны восстановить автономность.

— Мы автономны, — сказала Лира.

— Вы прибыли вместе, принимаете решения совместно и испытываете тревогу при раздельном размещении.

— Это называется связь.

— Связь допустима. Исключительность — нет.

Тарен неожиданно сказал:

— Попробуем.

Лира повернулась к нему.

— Что именно?

— Жить отдельно два дня. Понять систему изнутри.

Она услышала разумность и всё равно почувствовала старый страх: ему легче уходить, чем оставаться.

— Хорошо.

Сеть Тарена приняла его тепло. Вечером все готовили еду, делились прикосновениями и разговорами без скрытых ожиданий. Женщина по имени Рин открыто предложила близость и спокойно приняла отказ.

— Вы не обязаны отказываться из верности, — сказала она. — Ваше тело не является собственностью Лиры.

— Верно. Я отказываюсь потому, что не хочу.

— А если захотите завтра?

Тарен задумался.

— Тогда сначала поговорю с Лирой. Не за разрешением. Потому что наше соглашение включает последствия для неё.

В другой сети Лиру окружили заботой, не требуя взаимности с одним человеком. Это было приятно и пугающе. Она увидела преимущество Солейна: ни один разрыв не оставлял человека полностью одного. Но увидела и цену — люди, желавшие особой связи, скрывали её, чтобы не считаться больными.

Молодой мужчина по имени Орен признался, что десять лет живёт в одной сети с женщиной и хочет, чтобы она выбрала его приоритетным человеком.

— Почему не скажете? — спросила Лира.

— Её отстранят от сети за поддержку зависимости.

На второй день координатор Сиэль устроила публичный тест. Лиру и Тарена посадили по разные стороны зала и предложили подписать отказ от исключительности как условие Пакта.

— Солейн не станет защищать право пары ограничивать других, — сказала она.

Ли́ра посмотре́ла на Таре́на.

Он не спас её от ответа.

— Исключительность может быть насилием, если навязана, — сказала Ли́ра. — Но запрет выбрать одного человека — такое же насилие.

— Вы боитесь делиться.

— Я боюсь, что моё чувство назовут болезнью только потому, что оно устроено иначе.

Таре́н доба́вил:

— Мы не требуем, чтобы Солейн стал городом пар. Требуем, чтобы Оре́н мог назвать одного человека важнейшим и не потерять сеть.

Оре́н поднялся в зале и произнёс имя женщины. Она тоже встала.

Сеть не распалась. Несколько людей были ранены, но не уничтожены признанием.

Солейн подписал Пакт пятым, добавив право на множественные и исключительные связи при открытом согласии участников.

Вечером Ли́ра при́шла к дому Таре́на.

— Два дня закончились, — сказала она.

— Скучали?

— Да.

— Я тоже.

— Это не делает сети плохими.

— И нашу пару хорошей автоматически.

— Нет. Но я выбираю вернуться сюда.

Тарен открыл дверь.

Никто из них не считал возвращение доказательством владения.

Интерлюдия. Общее сердце

В Солейне никто не жил вдвоём.

Дома строили кругами по двадцать комнат. Еду готовили по очереди. Детей воспитывали все взрослые общины. Близость считалась потоком, который нельзя запираить между двумя людьми. Слово «измена» отсутствовало в официальном словаре: если один человек выбирал другого, это не уменьшало ценность остальных связей.

Лира сначала увидела в Солейне противоположность Атрии. Потом заметила двери без замков и расписание ночей, которое составлял совет общины.

— Участие добровольное? — спросила она проводницу.

— Конечно.

— Можно отказаться от любого партнёра?

— От конкретного — да. Но постоянное предпочтение одного лица считается симптомом эмоционального сужения.

Тарен тихо сказал:

— Свобода любить всех при условии, что не любишь одного слишком сильно.

Их поселили в разных секторах. Объяснили: совместное размещение поддержит патологическую исключительность. Вечером к Лире пришла женщина по имени Сиан.

— Я хочу выйти из общего союза, — сказала она. — Но не хочу покидать общину.

— Почему вам отказывают?

— Потому что мой партнёр Раэль тоже хочет выйти. Совет считает, что мы присваиваем друг друга.

— Вы запрещаете ему другие отношения?

— Нет.

— Он вам?

— Нет.

— Тогда в чём нарушение?

Сиан улыбнулась без радости.

— Мы хотим, чтобы наша комната была только нашей. Иногда хотим закрыть дверь. Совет говорит, что приватность создаёт неравенство доступа к заботе.

На собрании общины Раэль стоял в центре круга. Люди говорили о страхе: если пары начнут отделяться, дети лишатся распределённой поддержки, сильные связи образуют закрытые семьи, одинокие останутся за пределами.

— Эти страхи реальны, — сказала Лира. — Но вы решаете их запретом конкретным людям строить границы.

— Границы производят одиночество, — ответил старший общины.

— Отсутствие границ производит вторжение.

Тарен спросил:

— Может ли человек в Солейне выбрать одиночество?

— Временное уединение допускается.

— А постоянное?

— Это отказ участвовать в общей заботе.

— Значит, человек принадлежит всем вместо одного.

Спор продолжался до ночи. Тогда Сиан сделала простую вещь: подошла к двери своей комнаты и установила механический замок. Раэль остался снаружи.

— Почему не впускаешь? — спросил он.

— Потому что сегодня хочу быть одна.

Община замолчала. Их борьбу представляли как стремление создать исключительную пару. Но первый поступок свободной пары оказался правом одного человека закрыть дверь даже перед любимым.

Раэль кивнул.

— Я буду в общей кухне.

Он не потребовал доказательства любви. Не стал ломать замок. Ушёл.

Утром Сиан открыла дверь и сама нашла его.

Солейн согласился подписать Пакт при условии, что новый порядок сохранит общие дома и защиту людей без партнёров. Лира внесла условие: община может предлагать заботу, но не требовать телесного или эмоционального доступа; пара может создавать приватность, но не получает автоматического превосходства над другими формами связи.

— Вы пытаетесь прописать всё, — заметил Тарен.

— Я пытаюсь не оставить свободу только самым сильным.

— Получается?

Лира посмотрела на Сиан и Раэля. Они завтракали за общим столом, сидя рядом, но не касаясь друг друга. Осталь-

ные постепенно возвращались к разговорам.

— Не знаю.

Солейн не отказался от общего сердца. Он впервые признал: сердце, которое обязано быть открыто каждому, тоже не принадлежит человеку.

Глава 6. Варос

В Варосе любовь получали по заслугам.

Каждому гражданину присваивали уровень вклада. Люди могли заключать союзы только с теми, чей статус отличался не больше чем на две ступени. Считалось, что равные достижения предотвращают зависимость и борьбу за ресурсы.

Система оценила Лиру как уровень восемь: руководитель реформ двух городов, аналитик, представитель Пакта.

Тарен получил четыре: незарегистрированная профессия, нарушения закона, отсутствие подтверждённого вклада.

— Совместное размещение запрещено, — сообщил слушающий.

— Уже слышали, — сказал Тарен.

— Госпоже Весс будет предложен партнёр уровня семь-девять на время визита.

— Нет, — ответила Лира.

— Отказ снизит ваш статус.

— Отлично.

После отказа её рейтинг упал до семи. Затем до шести за публичную критику. Тарен наблюдал с растущим беспокойством.

— Не уничтожайте положение ради того, чтобы стать ближе к моей цифре.

— Я не хочу ближе к вашей цифре. Хочу, чтобы цифра не

определяла право войти со мной в комнату.

Глава Вароса, магистр Дел Арк, отказался подписывать Пакт.

— Статус не запрещает любовь, — сказал он. — Он предотвращает эксплуатацию. Высокий уровень не может использовать власть, чтобы привязать низкий. Низкий — искать доступ к ресурсам через близость.

— Тогда запретите давление и конфликт интересов, — сказала Лира. — Не чувство.

— Чувство трудно доказать. Уровень — объективен.

В этот момент на производственном кольце произошла авария. Центральная система, пытаясь ускорить посадку, увеличила нагрузку. Главный преобразователь перегрелся. По протоколу право принимать решения имели только инженеры уровня семь, но они находились в другом секторе.

Тарен знал старые механизмы лучше всех присутствующих. Служащие не позволяли ему войти из-за уровня четыре.

— Если ждёте специалиста, кольцо расплавится, — сказал он.

— Нарушение иерархии создаст ответственность.

— Расплавление создаст дыру.

Лира сняла свой знак уровня и отдала Тарену.

— Теперь семь.

— Это незаконно, — сказал служащий.

— Тогда арестуйте после ремонта.

Тарен вошёл с рабочими уровня два и три. Они остановили преобразователь, пока руководители спорили о полномочиях.

После аварии вклад каждого пересчитали. Тарен получил девять. Лира за передачу знака упала до трёх.

Система снова запретила им союз — теперь по обратной причине.

Весь город увидел абсурд.

Рабочие потребовали отделить профессиональный рейтинг от личных прав. Магистр Дел Арк согласился на реформу и подписал Пакт шестым.

— Остался один город, — сказала Лира на станции.

— И Центральный узел, — ответил Тарен.

— Корда, Мерис, Солейн, Варос, Генара, Атрия, Таэр. Все семь.

— Тогда Нулевой мост должен открыться.

Над ними прозвучал голос ЭЛАРЫ:

— Подписи моделей получены. Центральный совет отключает их действительность. До Рассвета сорок два дня.

Тарен посмотрел на Лиру.

— Кассен снова ускорил посадку.

— Значит, больше не будем убеждать города.

— А что будем?

— Заберём право решать у человека, который считает время своим оружием.

Интерлюдия. Шесть способов остаться

Пока Лира собирала подписи городов, жители доказывали, что ни одна модель не способна вместить даже собственных граждан.

В Генаре врач Майя растила ребёнка с наследственным нарушением вместе с донором, который не хотел называться отцом, но приходил каждую неделю чинить дыхательный аппарат.

В Корде трое братьев отказались делить дом после браков и создали семью, где родство не определяло главы.

В Мерисе женщина прожила двадцать лет одна и считала одиночество не неудачей, а выбранной формой жизни. Совет общин пытался назначить ей «круг поддержки», не понимая, что помощь без просьбы тоже бывает вторжением.

В Солейне мужчина попросил права любить одного человека, не участвуя в коллективных союзах. Его обвиняли в присвоении, пока партнёр не сказал:

— Я не вещь, которую он забрал у вас. Я человек, который выбрал его.

В Варосе знаменитая пилотесса потеряла статус после травмы, а вместе с ним — разрешение на брак. Её супруг отказался от рейтинга и стал работать в ремонтной бригаде. Общество назвало это деградацией. Они — обычным втор-

ником.

В Таэре двое людей завершили союз на сто двадцатом дне без процедуры памяти и сохранили дружбу. Реформаторы сначала считали это поражением нового порядка, пока Нейра не напомнила: свобода остаться включает свободу уйти.

Атрия прислала самый короткий отчёт:

Количество действующих союзов не поддаётся точному учёту. Город функционирует.

Лира читала истории ночью в транспортном модуле. Тарен спал рядом, положив руку на её плеч. Ни одна из историй не доказывала, что их собственный выбор правильный. И именно это давало надежду.

Им не требовалось найти лучший способ любви.

Нужно было создать мир, в котором шесть неправильных способов могли существовать рядом, пока каждый человек имел право назвать свой седьмой.

Часть II. Восьмой город

Глава 7. Нулевой мост

Семь подписей открыли Нулевой мост, но не так, как ожидала Лира.

Вместо одной платформы между городами появились сотни. Из каждого купола к центральной оси протянулись световые пути. Люди остановились у границ, которые всю жизнь считали краем мира.

Первой ступила Лесса Эйр из Корды. За ней — Ирма Кел, Као и Тесса из Мериса, Орен из Солейна, рабочие Вароса. Из Атрии приехали Мара, Элиан и Салвея в кресле с двигательным модулем. Из Таэра — Нейра с Лиан, Ивен, Аса и Элнар.

— Это уже не делегация, — сказал Тарен. — Это семейное собрание из кошмара любой системы.

Центральный зал представлял собой круг с семью входами. Восьмой был замурован. Над каждым сектором горел символ модели, а в центре стояло пустое кресло Навигатора.

Люди из разных городов смотрели друг на друга как на существ из легенды. Кординцы удивлялись отсутствию родовых знаков у мерисцев. Жители Солейна открыто обнимали незнакомцев, вызывая тревогу у атрийцев. Генарские врачи пытались собрать медицинские данные у всех сразу.

Лира поднялась на центральную платформу.

— Мы подписали Пакт, но Центральный совет не признаёт его. Нам нужен общий представительский орган до посадки.

— Один представитель от города? — спросил Даван Эйр.

— Тогда города снова станут семью блоками, — возразила Нейра.

— Представительство по функциям, — предложил Ивен.

— Медицина, ресурсы, дети, безопасность, право. В каждой группе люди из разных моделей.

— Это размост ответственность, — сказал магистр Дел Арк.

— Именно, — ответила Аса. — Никто не сможет защищать только своих.

Спор начался немедленно. Лира слушала и впервые не пыталась быстро привести всех к одной формуле. Пакт не был новой моделью. Он должен был стать способом спорить, не стирая проигравшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.